

Космач, Г.А., Ковяко, И.И. Германский вопрос во внешней политике Великобритании в период падения Берлинской стены (1989 г.) // Вестник Международного института управления. Москва – Архангельск – Милан. – 2013. - № 1-2 (119-120). – С. 83-93

Ключевые слова: германский вопрос, внешняя политика Великобритании, ФРГ, ГДР, СССР, Берлинская стена, НАТО, ОВД, ЕС.

Германский вопрос в политике Великобритании в 1989 г.

**Космач Г.А., доктор исторических наук, профессор
Ковяко И.И., преподаватель кафедры новой и новейшей истории
БГПУ, г. Минск**

К 1989 г. экономический и политический кризис в Восточной Германии достиг своего апогея. В ответ на просьбу ГДР об экономической помощи ФРГ заявила, что таковая будет оказана лишь при условии, что на территории ГДР установится демократический строй западного образца. В ответ весной 1989 г. Э. Хонеккер заявил, что Берлинская стена простоят еще 100 лет. Поворотной точкой в развитии кризиса стало начало массового бегства жителей из ГДР через Венгрию и Австрию.

С начала 1989 г. Г. Коль и Г.-Д. Геншер провели ряд встреч с венгерскими политиками, уговаривая их открыть восточным немцам ворота на Запад. Для достижения цели лидеры ФРГ использовали и «экономический пряник» – в феврале 1989 г. правительство Венгрии в ходе секретных переговоров с ФРГ получило кредит в размере 500 млн. марок ФРГ фактически в ответ на согласие открыть границу. Требования ГДР к Венгрии о сохранении на этой границе прежнего порядка были отклонены [5, с. 353]. После 2 мая тысячи восточных немцев транзитом устремились в ФРГ через Венгрию, куда жителям ГДР даже не требовалось визы.

В Великобритании считали, что наилучшим способом разрешения германской проблемы явилась бы демократизация ГДР и сохранение двух немецких государств. Объединенная Германия представлялась Лондону слишком богатой и могущественной, имеющей ВВП в два раза больше британского. Поэтому британская сторона стремилась поощрять реформы в ГДР и надеялась на стабилизацию ситуации в Восточной Германии [14]. М. Тэтчер в сентябре прибыла в Москву, чтобы объяснить М. С. Горбачеву свою позицию по вопросу германского единства. Говоря не только за себя, но и за Ф. Миттерана, М. Тэтчер призвала к осторожности и последовательной демократизации ГДР [1, с. 88–90]. 20 сентября министр иностранных дел Великобритании Дж. Мейджор посетил Бонн. В ходе переговоров с Г.-Д. Геншером он старательно избегал термина «воссоединение», однако отметил, что «немцы имеют право на самоопределение». Массовое бегство граждан ГДР

на Запад Дж. Мейджор расценил как «знак привлекательности западной демократии».

7 октября 1989 г. во время празднования 40-й годовщины образования ГДР в Лейпциге разыгрались побоища между силами безопасности и демонстрантами, требовавшими демократизации политического режима в стране. На празднованиях присутствовал и М. С. Горбачев, откуда он вернулся весьма обеспокоенным. Страна, по его воспоминаниям, напоминала кипящий котел с плотно закрытой крышкой. На замечания М. С. Горбачева, что «того, кто опаздывает, наказывает жизнь», Э. Хонеккер лишь раздраженно указал на внутренние проблемы и дефицит товаров в самом СССР [10, с. 442]. В октябре 1989 г. в британских СМИ появились критические замечания в адрес Бонна, который под предлогом «нежелания дестабилизации обстановки в ГДР» мало сотрудничал с оппозицией. На собрании консервативной партии один из государственных министров В. Вальдегрейв высказал идею, что «однажды население ГДР с полным правом может решить связать свою судьбу с ФРГ». М. Тэтчер в беседе с М. С. Горбачевым 9 октября высказалась «решительно против объединенной Германии», однако отметила, что она «не может этого сказать ни у себя дома, ни в НАТО» [4, с. 215].

18 октября в условиях сильнейшего политического кризиса Э. Хонеккер вынужден был уйти в отставку со всех руководящих постов. Его соратники, возглавляемые Э. Кренцом, оказались не в состоянии стабилизировать положение. В ФРГ нового лидера ГДР воспринимали как очередного диктатора, действиями которого из-за кулис руководит бывший генеральный секретарь. В Великобритании Э. Кренца рассматривали как прямого ставленника Э. Хонеккера, с весьма схожими традициями управления и образом мыслей. Когда в своей вступительной речи Э. Кренц заговорил о желании внутренних и внешних врагов ГДР реформировать ее по капиталистическому образцу, в Лондоне окончательно стали считать нового лидера ГДР «человеком вчерашнего дня» [15].

Вопрос возможного объединения двух немецких государств продолжал обсуждаться на страницах британской прессы. Настоящей политической «бомбой» стала статья журналиста «Таймс» К. О'Брайена «Опасайтесь возрождения рейха», вышедшая в свет 31 октября 1989 г. Автор выражал уверенность в том, что объединенная Германия рано или поздно преобразуется в националистический Четвертый рейх, где будут господствовать расистские идеи, немцев научат чувствовать не вину, а гордость за холокост и в каждом немецком городе установят памятник А. Гитлеру. К. О'Брайен предсказывал новые преследования евреев, разрыв отношений ФРГ с Израилем и поддержку Палестины в ближневосточном конфликте. Статья вызвала бурное обсуждение германского вопроса на страницах «Таймс». Абсолютное большинство не поддержало идеи К. О'Брайена. Другой журналист «Таймс» Б. Левин назвал Германию «образцом демократии» и выразил уверенность, что в случае вхождения ГДР в западный блок, свобода и демократия в Европе только

укреплятся. Однако многие в Великобритании сходились в том, что объединение Германии ослабит возможности Лондона влиять на европейскую политику и нарушит сложившийся баланс сил. Между тем в Форин офис считали, что открытое противостояние объединительному процессу может привести к серьезному конфликту с ФРГ и США [31, с. 21].

Нараставшее с мая 1989 г. бегство жителей ГДР в ФРГ через Венгрию и Чехословакию создавало трудности для этих республик, поэтому 7 ноября руководство СЕПГ решило открыть на германо-германской границе проход через Берлинскую стену для выезда в Западный Берлин и ФРГ тех граждан ГДР, которые решили уехать на постоянное жительство. Визовый режим при этом не отменялся – все граждане ГДР перед выездом из страны должны были оформить визу. МИД ГДР запросило у посла СССР мнения советского руководства по поводу либерализации режима границы. В результате был получен ответ, что регулирование режима границ – дело самой ГДР. Советник-посланник посольства СССР в Берлине И. Максимычев отмечает, что все вопросы, затрагивающие судьбу Западного Берлина, должны были приниматься после консультаций с США, СССР, Великобританией и Францией, подписавшими Четырехстороннее соглашение 1971 г. Однако в данном случае руководство ГДР взяло всю ответственность на себя. Решение о либерализации режима границ должно было поступить в печать 10 ноября, однако проводивший вечернюю телевизионную пресс-конференцию Гюнтер Шабовски не был в курсе всех деталей, так как не присутствовал на обсуждении нового порядка выезда. На последовавший вопрос журналиста «Когда этот проект вступает в силу?» Г. Шабовски ответил: «Насколько мне известно – незамедлительно, прямо сейчас» [3, с. 129-130].

Вечером 9 ноября 1989 г. жители столицы и пригородов ринулись в Западный Берлин, причем абсолютное большинство – из чистого любопытства [6, с. 361]. Пограничные службы не смогли справиться с наплывом людей и в итоге открыли пропускные пункты. Толпа хлынула в Западный Берлин без оформления документов. Руководство Западного Берлина готовилось к подобному развитию событий. Еще 29 октября Г. Шабовски в беседе с мэром Западного Берлина В. Момпером говорил о намерении правительства ГДР предоставить своим гражданам свободу передвижения. После «ночи свидания» ФРГ и ГДР с 9 на 10 ноября 1989 г. в социалистической части Германии общественно-политическая обстановка стала быстро меняться. Символом этого стала ликвидация Берлинской стены. Г. Коль назвал этот день великим в германской истории и добавил, что «мы будем и дальше оставаться единой нацией с единым происхождением. Шаг за шагом мы должны найти путь в наше общее будущее» [22]. Однако идее объединения Германии противился Э. Кренц, который продолжал рассматривать возможность существования ГДР как «социалистической альтернативы развития Германии» [21], указывая при этом, что правительство будет всячески содействовать развитию солидарности

на восточногерманских землях, защищать свободы личности, развивать экономику и охранять окружающую среду.

Первым, кому позвонил Г. Коль 10 ноября вечером была М. Тэтчер. Канцлер полагал, что разговор будет тяжелым, но из Лондона никаких возражений не последовало, премьер-министр Великобритании заявила, что она уже «в курсе» [7, с. 40]. М. Тэтчер приветствовала падение Берлинской стены как «великий день свободы», но при этом она отмечала, что на данном этапе еще слишком рано говорить о полном объединении Германии. Перед объединением страны, по мнению премьер-министра, необходимо шаг за шагом учредить в ГДР многопартийный демократический строй. Это, на ее взгляд, помогло бы приостановить поток переселенцев и помочь гражданам ГДР перестроить государственную систему. Таким образом, западная модель может продвинуться на Восток и без объединения Германии. М. Тэтчер полагала, что любой стране Восточной Европы понадобится минимум 10–15 лет для установления демократии и преодоления экономических трудностей. Только после завершения данного периода она считала уместным рассматривать другие варианты взаимодействия с этими государствами [28].

16 ноября 1989 г. состоялся визит английского министра иностранных дел Д. Хэрда в Берлин. Глава Форин офис заявил, что дело реунификации не является вопросом, требующим немедленного разрешения. Оно не стоит на повестке дня, так как сами реформаторы в ГДР его туда не вынесли. Д. Хэрд также высказался против изменения статуса Берлина. По мнению Д. Хэрда, объединение Германии также не могло рассматриваться в качестве ближайшей перспективы. Великобритании нужна только такая Германия, которая будет основана на демократических ценностях и принципах ФРГ, т.е. станет полноправным членом ЕС и НАТО. Министр обороны Т. Кинг поддержал премьера и высказался за развитие событий «шаг за шагом». Бывший посол Великобритании в Бонне Дж. Буллард также не считал необходимым торопить события. Лидер лейбористов Н. Киннок приветствовал «падение железного занавеса», однако вместе с тем предупреждал о возможных проблемах, связанных с массовым перемещением людей с Востока на Запад. Дж. Кауфман (глава МИД в теновом кабинете), посетив Берлин 11 ноября, пришел к выводу о том, что воссоединение Германии не стоит на повестке дня [12]. Британские СМИ сообщали, что ни СЕПГ, ни восточногерманская оппозиция не хотят объединения Германии. Однако они признавали, что широкие массы восточных немцев с каждым днем все более настойчиво требуют воссоединения страны и введения на территории ГДР западногерманской марки. Форин офис осознавал, что невозможно бесконечно поддерживать искусственное разделение Германии [31, с. 23].

Сразу после падения Берлинской стены в Лондоне было принято решение о создании в Бонне Объединенного разведывательного комитета (отдел MI6). Его задачей являлся сбор информации и регулярные доклады о развитии событий в Восточной Европе и возможности объединения Германии.

Озабоченность Великобритании углублялась опасениями того, что США могут вывести свои войска из ФРГ. М. Тэтчер дала понять, что она вовсе не спешит увидеть объединенную Германию и не собирается отзывать из ФРГ Британскую Рейнскую армию. По ее убеждению, «если бы США остались в Европе после Первой мировой войны и НАТО существовало бы уже тогда, то Второй мировой войны не случилось бы». Недоверие к немцам стало неотъемлемой частью внешнеполитического мышления М. Тэтчер со времен Второй мировой войны. «Мы прошли войну и мы очень хорошо знаем, что представляют из себя немцы ... и как, в основном, не меняется национальный характер» – заявила она вскоре после падения Берлинской стены [11, с. 104].

Вместе с тем М. Тэтчер категорически выступала против скорейшего создания ЭВС (экономического и валютного союза в Европе), в чем ей противостояли французский президент Ф. Миттеран и президент Европейской комиссии Ж. Дэлор. М. Тэтчер искренне верила, что последние события в Берлине приведут к тому, что ФРГ вместе с Великобританией сумеют сдержать порывы Франции к незамедлительному образованию ЭВС. На саммите ЕЭС в Штутгарте М. Тэтчер выразила уверенность, что население ГДР не захочет, ликвидировав «монолитные структуры» коммунизма, причислять себя к другому монолитному образованию, хотя бы и западному [23]. Однако 14 ноября министр финансов ФРГ Т. Вайгель заявил, что события в ГДР «не охладили энтузиазм ФРГ к созданию валютного союза в Западной Европе» [19]. Противостояние кабинета М. Тэтчер образованию ЭВС и другим мероприятиям ЕС вызвало крайне негативную реакцию лейбористов. Их представитель Г. Форд указывал на то, что правительство, возглавляемое М. Тэтчер, «отгородилось и провалило много проектов ЕЭС, направленных на улучшение жизни рядовых жителей страны. Британия в годы этого правительства превратилась в слабого, толстого, грязного человека Европы» [25].

М. Тэтчер изначально исходила из того, что СССР решительно выступит против объединения Германии на условиях ФРГ. Ликвидацию ГДР она рассматривала как «дискредитацию коммунизма», к тому же были опасения насчет возможности прихода к власти в объединенной Германии правительства левее центра, которое впоследствии будет выступать за нейтральный безъядерный статус Германии. После падения стены М. Тэтчер из западных политиков больше всех беспокоилась о возможных трудностях, которые это событие может доставить М. С. Горбачеву в СССР. Она утверждала, что без «дальнозоркости и мужества» советского лидера современные процессы в Центральной и Восточной Европе были бы невозможны [16]. Несмотря на строгий курс интеграции Германии в НАТО, она неоднократно подчеркивала, что Запад не должен делать ничего такого, что привело бы к дестабилизации ОВД, так как это «может доставить огромные неприятности Горбачеву, который, собственно, и вдохновил современные процессы в восточной Европе» [28]. М. С. Горбачев сразу разделял позицию М. Тэтчер по германскому

вопросу и даже в ноябре 1989 г. не считал, что вопрос об объединении Германии назрел и приобрел актуальность.

Неоднозначной была реакция британской общественности и политических партий. В консервативных СМИ начались дебаты между сторонниками и противниками объединения Германии. Умеренные консерваторы призывали к преодолению раскола Европы, расширению ЕС на Восток. Германию они рассматривали в качестве краеугольного камня европейского единства. Депутат консервативной партии и глава британо-германской группы в парламенте Б. Брейн считал объединение Германии неизбежным. Однако он призывал сделать новую Европу достаточно гибкой для того, чтобы затем принять в свой состав и страны Восточной Европы. Сторонники германского единства считали неоправданными опасения возрождения немецкого нацизма и милитаризма. Третий рейх стал возможен, в том числе, из-за тяжелых условий Версаля, а после 1945 г. страны Запада избрали иной путь обращения с побежденной Германией, помогли ей превратиться в сильное и процветающее государство. Идеи о необходимости создания союза с Францией для того, чтобы уравновесить мощь объединенной Германии, сторонники немецкого единства считали устаревшими [29].

В Великобритании понимали, что у ГДР нет демократических традиций, поэтому объединенную Германию необходимо «растворить» в Европе, а она поможет западным странам проникнуть на рынки восточноевропейских стран. Умеренные консерваторы считали, что Великобритания должна бороться за ускорение европейской интеграции и включение единой Германии в состав объединенной Европы [17]. Правые консерваторы относились к идее германского единства более настороженно. Они призывали к сохранению американских и британских вооруженных сил на территории Германии и требовали зафиксировать военную мощь ФРГ на уровне, приемлемом для ее соседей. Доктор В. Паркер из университета в Глосе, анализируя геополитическую концепцию Х. Маккиндера о ключевой роли Восточной Европы на пути к мировому господству, считал недопустимым установление в данном регионе немецкой экономической гегемонии. С помощью США и Великобритании Восточная Европа, по его мнению, должна стать экономически жизнестойкой зоной, независимой от России либо Германии [24].

Лейбористы, по сравнению с консерваторами, высказывались более определенно в пользу объединения Европы. Они рассматривали это как необходимое следствие объединения Германии. Лидер лейбористской партии Н. Киннок считал, что падение стены таит в себе большие возможности, но вместе с тем и большие вызовы. Массовое передвижение людей на Запад может привести к дестабилизации обстановки. Больше всего лейбористские круги опасались того, что Германия может избрать собственный путь развития, отказавшись войти в ЕС и НАТО. Лейбористы в парламенте упрекали М. Тэтчер в отсутствии видения нового образа Европы и стремлении притормозить европейскую интеграцию. Они выступали за создание федеративной Европы и

видели Германию в качестве лучшего образца для европейского будущего [30]. Партия Н. Киннока признавала, что объединение Германии повлечет за собой серьезные проблемы в реорганизации мировых экономических и военно-политических структур. Вместе с тем, лейбористы считали, что объединение Германии в конечном итоге изменит лицо Европы к лучшему. В открытии Берлинской стены и движении Германии к единству они видели особую заслугу лично М. С. Горбачева.

Наиболее оптимистично к идее объединения Германии отнеслись либералы. Профессор Д. Чайлдз из Ноттингемского университета выразил уверенность в том, что демократическое правительство может возникнуть в ГДР в течение года. Он рассматривал объединенную Германию как фактор создания процветающей Европы. По его мнению, после разрешения германского вопроса опасная ситуация в центре Европы исчезнет и будет положено начало новому европейскому порядку. Либералы выражали полную уверенность в исчезновении нацизма и милитаризма в ФРГ, полагая, что «немцы стали европейцами». Падение Берлинской стены явилось для них «триумфом Германии и Европы» [32].

Коммунистическая партия Великобритании пыталась сыграть на разногласиях и опасениях консерваторов для того, чтобы еще более накалить ситуацию по германскому вопросу в правительстве, парламенте и в обществе в целом. Лидер КПВ Г. Макленнан открыто заявил, что в Великобритании многие боятся объединенной Германии как «серьезного противника в капиталистическом мире». С точки зрения коммунистов, для Западной Европы было бы лучше, если бы единая Германия последовала за СССР, найдя в своей политике больше общего с М. С. Горбачевым, чем с М. Тэтчер или Ф. Миттераном [18].

Осознавая серьезность и важность исторического момента, лидеры США, СССР, Франции и Великобритании на начальном этапе избегали жестких критических формулировок при обсуждении германского вопроса. Падение Берлинской стены было неожиданностью как для ряда политических лидеров в ФРГ и ГДР, так и для руководств держав-победительниц. С момента падения Берлинской стены должно было пройти определенное время, за которое лидеры стран выработали бы свое видение проблемы и тактику действий. Единственное, в чем сходились на словах руководители всех заинтересованных стран, было то, что процессы, набирающие силу в ГДР, ни в коем случае не должны привести к дестабилизации обстановки в Европе. Поэтому от всех политиков требовалось максимум осторожности и осмотрительности в высказываниях и действиях относительно германской проблемы. В условиях такой негласной договоренности полной неожиданностью явилось выступление 28 ноября 1989 г. Г. Коля в бундестаге со своим планом объединения Германии («10 пунктов»), который включал в себя три основные положения: подписание договорного союза ГДР с ФРГ, создание конфедеративных структур, а затем образование федерации. Торопливость Коля была не случайной. На созванном

18 ноября в Париже саммите Европейского сообщества царил ледяная атмосфера. Правительству ФРГ дали четко понять, что свои планы по объединению они должны увязать с процессом европейской интеграции и уважать сохраняющуюся четырехстороннюю ответственность за Германию в целом. Премьер-министр Великобритании занимала наиболее жесткую позицию, заявив, что «воссоединение не стоит на повестке дня», а также что Хельсинский Заключительный акт четко зафиксировал нерушимость границ, включая границу между ГДР и ФРГ [9, с. 68]. М. Тэтчер сразу определила, что немцы должны согласовать процесс объединения с НАТО и учесть Хельсинские соглашения. Важнейшим из аспектов объединения М. Тэтчер считала вопрос безопасности, которая должна быть обеспечена прежде всего четырьмя державами-победительницами вместе с двумя Германиями.

Катализатором разработки «10 пунктов» стал визит в Бонн Н. Португалова, специалиста по Германии, сотрудника международного отдела ЦК КПСС, который в то время возглавлял В. Фалин. 21 ноября Н. Португалов прибыл в Бонн с написанной от руки запиской, которая не представляла собой никакого официального документа, однако, впоследствии повлекла за собой значимые события. Сенсационной для боннского руководства оказалась часть записки, текст которой, по утверждению Х. Тельчика, был предварительно обсужден с В. Фалиным. Ее содержание указывало на то, что вопрос объединения Германии серьезно рассматривается в советском руководстве и даже обсуждаются возможные варианты будущего военно-политического статуса Германии, а также проблема включения ее в ЕС [8, с. 113].

Проанализировав записку, Х. Тельчик пришел к выводу о необходимости организации скорейшего выступления Г. Коля по германскому вопросу в бундестаге. Он полагал, что это была уникальная возможность для канцлера открыто представить и озвучить концепцию германского единства в преддверии выборов. В противном случае этим козырем могли воспользоваться лидеры СвДП или СДПГ. 24 ноября рабочая группа в составе Х. Тельчика, К. Дуйсберга, Р. Кааса, П. Хартмана, У. Кастнера, Н. Прила и М. Мертеса выработала план выступления Г. Коля из 10 пунктов. Канцлер ФРГ, в свою очередь, провел конспиративное собрание на выходных 25–26 ноября, где присутствовали только самые доверенные лица, включая жену канцлера Х. Коль [8, с. 119]. Канцлер также проконсультировался с доверенными лицами из ХДС (братья Э. и Ф. Рамштеттер), профессором права Р. Шольцем, представителями духовенства [20, с. 991]. Результатом стала обработка и создание окончательной редакции текста «10 пунктов», с которыми Г. Коль и выступил в бундестаге во вторник 28 ноября.

24 ноября в Кэмп-Дэвид М. Тэтчер провела встречу с Дж. Бушем, одним из главных предметов обсуждения был германский вопрос. Атмосфера встречи не порадовала М. Тэтчер – Дж. Буш держался отстраненно и поддерживал ФРГ в вопросе сокращения военных расходов стран-участниц ЕС, что не находило, в свою очередь, поддержки со стороны М. Тэтчер. Она полагала, что оборона

страны подобна страхованию дома: человек не перестает делать выплаты, даже если на его улице какое-то время и не появляются бандиты [27, с. 794]. М. Тэтчер предложила привлечь к обсуждению германской проблемы 35 государств ОБСЕ. Она также считала необходимым урегулировать вопрос о западной границе Польши по линии Одер-Нейсе и сделать все возможное для поддержания демократических процессов в Восточной Европе. Британский премьер продолжала настаивать на том, что германский вопрос не стоит на повестке дня. В интервью ВВС 27 ноября она подчеркнула, что речь идет не о объединении Германии, а лишь о проведении демократических выборов в ГДР. Уже на следующий день М. Тэтчер узнала о выступлении канцлера в бундестаге с «10 пунктами».

Реакция политических лидеров «четверки» на выступление Г. Коля была бурной и неоднозначной. Позиция Великобритании во многом определялась позицией США, поэтому М. Тэтчер изначально интересовала реакция Вашингтона. 29 ноября 1989 г. в Белом доме госсекретарь США Дж. Бейкер выступил перед прессой с докладом на тему «К вопросу о воссоединении Германии», где изложил четыре принципа, на которых американское правительство собиралось строить свою германскую политику:

1) право немецкого народа на самоопределение и самостоятельный выбор формы государственного устройства, будь то конфедерация, единое федеративное государство либо что-то другое;

2) в случае объединения Германия должна стать полноправным членом блока НАТО и, войдя в состав ЕС, следовать в фарватере европейской интеграции;

3) процесс урегулирования в отношении Германии должен протекать постепенно, мирно, шаг за шагом, в интересах общеевропейской стабильности и безопасности;

4) по вопросу границ основополагающим документом должны стать Хельсинкские соглашения о послевоенном устройстве мира. При этом не исключалось также изменение границ мирными средствами по обоюдному согласию сторон [13, с. 574].

Первый пункт американского подхода М. Тэтчер оставила без комментариев, полное согласие она выразила с третьей и четвертой позицией, а также с идеей включения объединенной Германии в НАТО. По вопросу превращения объединенной Германии в двигатель европейской интеграции М. Тэтчер не могла согласиться, поскольку была в принципе против углубления политической интеграции Европы. Впоследствии позиция Дж. Буша по вопросу европейской интеграции была противопоставлена в СМИ «брюггской» позиции М. Тэтчер. Для разрядки внезапно возникшей напряженности американский президент в личной беседе с британским премьер-министром пояснил, что имел в виду, прежде всего, экономическую интеграцию Европы, а никак не политическую [27, с. 795]. Однако в любом случае Великобритания не могла больше рассчитывать на поддержку США в сдерживании процесса германского

объединения. На саммите стран-участниц блока НАТО М. Тэтчер настаивала на том, что ход воссоединения должен растянуться где-то на 10-15 лет. Именно столько времени, по ее мнению, требовалось для преобразования общественно-политической структуры ГДР на демократических началах и проведения в бывшей республике ряда экономических реформ. Германский процесс также должен решаться в тесном сотрудничестве лидеров «четверки» с правительствами ФРГ и ГДР. М. Тэтчер особо подчеркивала роль М. С. Горбачева в процессе демократизации общественной жизни в странах социалистического лагеря и призывала западных лидеров к осторожности и поступательности в разрешении германского вопроса. Неосмотрительные действия западных стран, по мнению премьера, могли создать критическую ситуацию для М. С. Горбачева в Москве и даже привести к его смещению и замене на другого политического лидера, у которого могло быть свое, вероятно куда менее терпимое отношение к происходящему в ГДР [28]. Сыграло свою роль также личное отношение М. Тэтчер к М. С. Горбачеву: начиная с момента первой встречи в 1984 г. у лидеров двух стран сложились «особые отношения». В свое время М. С. Горбачев называл М. Тэтчер то «боевой политической подружкой», то «нахальной бабой», когда та принималась активно пропагандировать тэтчеризм в Москве. Однако даже после своего ухода в отставку именно М. Тэтчер настойчиво добивалась отправки международной делегации в Формос к блокированному там М. С. Горбачеву в 1991 г.

29 ноября 1989 г. в Лондон прибыл Г.-Д. Геншер. Во время встречи с М. Тэтчер и Д. Хэрдом он подчеркнул преданность ФРГ НАТО и ЕС. М. Тэтчер по-прежнему сохраняла настороженное отношение к идее германского единства и холодно восприняла выступление канцлера с «10 пунктами». Она продолжала настаивать на необходимости сохранения статуса-кво в Европе. По итогам встречи Г.-Д. Геншер сделал вывод, что из стран западного лагеря труднее всего будет договориться с Великобританией. Однако в ФРГ понимали, что если заручиться поддержкой Вашингтона и Парижа, Лондон будет вынужден согласиться и принять германское единство. Посол Великобритании в ФРГ К. Маллаби сообщал, что на фоне выступлений американской и французской сторон британская «сдержанность по отношению к «10 пунктам» кажется Бонну особо заметной» [31, с. 24]. В ноябре 1989 г. стало ясно, что США не собираются сдерживать объединение Германии. Таким образом, к декабрю 1989 г. по германской проблеме неопределенными оставались позиции Лондона и Парижа. В деле сдерживания объединения Германии из стран западного блока Англия могла рассчитывать только на Францию. Предположения М. Тэтчер о возможности создания эффективной англо-французской оси основывались на присутствии Франции историческом чувстве угрозы со стороны соседней сильной Германии.

Список использованных источников и литературы.

1. Ахтамзян, А.А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия: очерки / А.А. Ахтамзян. – М.: МГИМО-Университет. 2008. – 408 с.
2. Грачев, А. Горбачев / А. Грачев. – М.: Вагриус, 2001. – 446 с.
3. Максимычев, И.Ф. Падение Берлинской стены. Записки очевидца / И.Ф. Максимычев // Новая и новейшая история. – 2000. – №4. – С. 128–135
4. Михаил Горбачев и германский вопрос / Международный фонд социально-экономических и политологических исследований «Горбачев-Фонд». – М.: Весь мир, 2006. – 670 с.
5. Новик, Ф.И. Объединение Германии и российско-германские отношения / Ф.И. Новик // Россия и Германия. Вып. 1. – М.: Наука, 1998. – 381 с. – с. 351–366
6. Павлов, Н.В. История современной Германии, 1945 – 2005: курс лекций / Н.В. Павлов. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 510 с.
7. Петелин, Б.В. Объединение Германии 1989 – 1990 гг.: историографический аспект / Б. Петелин // Новая и новейшая история. – 2003. – №1. – С. 30–47
8. Плато, А. Объединение Германии – борьба за Европу / Александр фон Плато. – М.: Росспэн, 2007. – 509 с.
9. Терехов, В. Как «закрывался» германский вопрос / В. Терехов // Международная жизнь. – 1998. – №8. – С. 62–94
10. Фалин, В.М. Без скидок на обстоятельства / В.М. Фалин. – М.: Республика: Современник, 1999. – 460 с.
11. Britain in the 80s. The Spectators view of the Thatcher decade. – London: Grafton books, 1989. – 381 p.
12. Deeds, W. The rise of the fourth Reich is far from nigh / W. Deeds // Daily Telegraph. – 1989. – November, 13. – p. 16
13. Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 S.
14. Garton Ash, T. Germany again? / Timothy Garton Ash // The Spectator. – 1989. – September, 16. – p. 11–12
15. Garton Ash, T. Yesterday's man / Timothy Garton Ash // The Spectator. – 1989. – October, 28. – p. 12–13
16. Geissmar, C. Frau Thatcher: Jetzt muss die Mauer fallen // Die Welt. – 1989. – November, 11/12. – S. 5
17. Harvey, R. A new world order in the making // Daily Telegraph. – 1989. – November, 14. – p. 20
18. How they see the fall of the Wall // Daily Telegraph. – 1989. – November, 11. – p. 15
19. Johnson, B. Bonn denies it is seeking one Germany / B. Johnson // Daily Telegraph. – 1989. – November, 14. – p. 15
20. Kohl, H. Erinnerungen 1982 – 1990 / Helmut Kohl. – München, Droemer, 2005. – 1134 S.
21. Murray, I. Kohl reunification plan gives Krenz a breathing space // The Times. – 1989. – November, 30. – p. 8
22. Murray, I. Kohl says “We belong together” / I. Murray // The Times. – 1989. – November, 11. – p. 1
23. Owen, R. Thatcher urges EC to develop East bloc links as top priority / R. Owen // The Times. – 1989. – November, 14. – p. 1
24. Parker, W. Geopolitical theorist has renewed relevance / W. Parker // Daily Telegraph. – 1989. – November, 11. – p. 14
25. Russia agrees to Germany inside Nato // The Times. – 1990. – July, 17. – p. 1
26. Teltschik, H. 329 Tage: Innenansichten der Einigung / Horst Teltschik. – Der Goldmann Verlag, 1993. – 381 S.

27. Thatcher, M. The Downing Street Years/ Margaret Thatcher. – New York, Harper Collins Publishers, 1993. – 914 p.

28. Thatcher, M. Speech to NATO Summit (4 Dec 1989) [Electronic resource] / Thatcher Archive. – Mode of access: www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=110773. – Date of access: 8. 11. 2007

29. Walden, G. The Wall comes tumbling down / G. Walden // Daily Telegraph. – 1989. – November, 10. – p. 20

30. Wir sind alle Berliner. Editorial // New statesman. – 1989. – November, 17. – p. 4

31. Witness seminar. Berlin in the Cold War, 1948 – 1990. German Unification, 1989 – 1990. – London: Lancaster House, 2009. – 121 p.

32. Woollacott, M. Germans seize their moment of national opportunity / M. Woollacott // The Guardian. – 1989. – November, 11. – p. 1

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ